

В. И. ЧИЧЕРОВ

Из истории народных поверий и обрядов

(«Нечистая сила и Касьян»)

Вопрос о так называемом «двоеверии» — соединении элементов язычества и христианства в народных суевериях, обрядах и связанной с ними народной поэзии — за последние годы мало привлекал к себе внимание исследователей. Между тем важность изучения этого вопроса для воссоздания сложного и противоречивого пути народного сознания от искаженных представлений о мире к подлинному знанию не подлежит сомнению. Изучая «двоеверие» в народных представлениях, мы, кроме того, получаем материал, подтверждающий многообразие форм взаимодействия литературы и фольклора.

На примере своеобразного скрещения представлений о христианском святом Касьяне Римлянине, идущих от его литературно-житийного образа, и народных представлений о враждебных человеку силах мы покажем изменение смысла литературного типа под влиянием народных поверий.

Касьян Римлянин праздновался раз в четыре года — в високосный год 29 февраля. День, посвященный ему, в старой деревне воспринимался как лишний день в году. По существу же, Касьянов день был органически связан с важнейшими датами предвесеннего аграрного календаря. Накануне весны он завершал цикл обрядов, порожденных представлениями о «нечистой силе», способной вредить людям и особенно страшной, по поверьям, в первые месяцы года, когда начинался счет времени, и воздействие на весь год должна была оказать магия первого дня. Посредством обрядов и поверий января—февраля крестьянин стремился противостоять «нечистой силе». В этом заключался их основной смысл. Обрядов, включающих магию плодородия, народный календарь января—февраля не знает (эти обряды включаются в масленичный цикл и получают развитие в весенне-летней обрядности).

Крестьяне верили, что «нечистая сила», беспрепятственно «вредившая людям» в «страшные вечера» рождественских святок, не исчезает и после «водокрешей» (Крещения). Вера в «нечисть» вызывала к жизни обряды, посредством которых человек пытался противостоять враждебным силам: ведьмам, колдунам, «кумахе», «коровьей смерти» — всему, что жило в воображении человека, еще бессильного перед лицом природы. Крестьяне старой русской деревни традиционными приемами оберегов старались охранить от действий «нечисти» и себя и свое хозяйство. Формы оберегов бывали различны, сущность же их оставалась единой.

Уже в середине января на Афанасия Ломоноса (18 января)¹ «изго-

¹ Числа показываются по старому стилю, как они значатся в дореволюционном церковном и аграрном календаре.

няли ведъм», которые вкупе с чертями, по представлению крестьян, через незаговоренную печную трубу появляются в избе и творят несчастья.²

Также в связи с ожиданием лучшего будущего находится обряд заклипания мышей, приносящих вред хлебу, сложенному в скирды, и стогам сена; по данным бывших Калужской и Московской губерний, обряд совершается в Трифонов день — 1 февраля.³

Тот же характер имели обряды, проводившиеся в дни Агафьи Коровницы (5 февраля) и Власия (11 февраля), которых считали покровителями домашнего скота и пособниками в уходе за ним. Путем обрядов, справляемых в Власьев день, крестьяне рассчитывали обеспечить скоту здоровье и получить хороший приплод от него. В феврале дни становятся длиннее, солнце начинает слегка пригревать и длинные сосульки капелью нависают у крыш — это первое, раннее предвозвестие весны, и недаром народная молва февраль назвала «бокогрей». В Власьев день, 11 февраля, в ряде мест (в бывших Владимирской, Тамбовской и других губерниях) скот выпускали из хлевов на деревенскую улицу. «Ввиду того что на дворе еще очень холодно, (скотина, — В. Ч.) старается встать так, чтобы солнышко ударяло на нее. Те же тамбовцы на Власьев день стараются вообще не работать в расчете предохранить свой скот от падежа».⁴ В б. Кадниковском уезде Вологодской губернии, с целью спасти домашний скот от болезней и сообщить ему плодовитость, в Власьев день крестьяне привозили к церкви караваи ржаного хлеба, которые священник кропил крещенской водой, и затем этот хлеб скармливали скоту.⁵

На Власия в б. Орловской губернии пекли «трубницы» (пышки с молочной кашей) и давали их есть коровам — для здоровья, хорошего удоя и приплода.⁶ Пекли обрядовый хлеб и скармливали его скоту и в других местностях. Особо следует указать на обряд опахивания, являющийся формой «борьбы» крестьян с эпидемией или стихийным бедствием (обряд иногда приручивался к Агафье Коровнице и Власию как предохранение или прекращение «коровьей смерти».⁷ Применительно к культу Власия он был описан еще И. Сахаровым в «Народном дневнике». На основании материалов конца XIX в. описание было дано С. В. Максимовым: «С иконою св. Власия обходят без священника больных: овцу, барана, лошадь и корову, связанных хвостами и выведенных на деревенскую площадку. По обходе зараженных гонят их за село, в овраг и там... побивают животных камнями и припевают: „Мы камнями побьем и земель загребем, землей загребем — коровью смерть вобьем, вобьем глубоко, не вернешься на село“. Затем на трупы набрасывают усердно столько щепы и содомы, чтобы сделать костер, способный опалить всех четырех животных без остатка».⁸

² И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1885, стр. 15. Ср. также обряд закрывания труб, замазывания их глиной, обкуривания чертополохом загнеток в день Агафьи Коровницы (5 февраля), когда, по поверьям, нечисть, пробуждающаяся весной, может через трубы забраться в дом.

³ И. Сахаров. Сказания русского народа, стр. 19.

⁴ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 344. Указание на б. Владимирскую губернию дано по моим личным воспоминаниям.

⁵ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 345—346.

⁶ См.: А. Н. Трунов. Понятия крестьян Орловской губ. о природе физической и духовной. — Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, т. 2. СПб., 1869, стр. 43, Народный дневник и праздники.

⁷ Например, в бывших Вязниковском и Гороховецком уездах Владимирской губернии (по личным воспоминаниям). (См.: В. В. Селиванов. Год русского земледельца. — Сочинения, т. II, Владимир, 1902, стр. 92, и другие работы).

⁸ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 345.

В январе—феврале, сочетаясь с культом Власия, совершались обряды умилоствления домового, которого «почесть надо». Почитание домового может быть сопоставлено с почитанием Власия— «скотьего бога». Недаром и тот и другой, по зафиксированным выражениям, «наблюдают скот», предохраняют его от несчастий. Следует указать на поверье о том, что причиной падежа скота может быть домовый;⁹ на Власия же иногда совершался упомянутый обряд опахивания как средство предохранения скота от «валёжки», «падушки» — от гибели.

Упоминание поверий о домовом и дворовом (также рижнике, свиннике и др.) в одном ряду с верованиями в «коровью смерть» и другие вредоносные силы, защиты от которых искали у Власия— «скотьего бога», может быть обосновано осмыслением их образов в крестьянском быту.

Обряды почитанья домового приурочивались к дням Ефрема Сирина (28 января), Анны Пророчицы (3 февраля). С верой в домового-покровителя связывается и день Тараса-кумашника: «Кумаха» (лихорадка) с этого дня нападает на людей, но в Тарасов день кумаху стережет домовый и не пускает ее в свой дом.¹⁰

Логическим завершением обрядов, направленных на борьбу «с нечистью» в предвесенние месяцы, явились поверья Касьянова дня— 29 февраля. Они всецело связаны с комплексом представлений о «нечистой силе», борьба с которой считалась необходимой, и ни в какой мере не соотносятся с житийной канонической литературой. В фольклоре образ Касьяна был так тесно связан с народными демонологическими верованиями, что это вызывало даже протест со стороны церковников. Так, в популярном изложении житий всех святых для чтения дома, после краткого изложения жития преподобного Кассиана Римлянина значится: «Св. Кассиан считается во мнении народа строгим и недобрим. Это ложное мнение произошло оттого, что память его совершается 29 февраля, в высокосный год. А высокосные годы почему-то, конечно, без основательной причины, у нас на Руси исстари считаются несчастливими».¹¹

Образу христианского святого, канонизированного церковью, действительно противостоят народные представления, утверждающие взгляд на Касьяна как на источник вредоносной силы.

«Месяцеслов», включенный в «Пословицы» и частично в «Толковый словарь» В. И. Даля, под 29 февраля показывает: Касьяна завистливого, Касьяна злопамятного, недоброежелателя, завистника, скупого, немилостивого.¹² Прозвища Касьяна вполне согласуются с поговорками о нем: «Зинул Касьян на крестьян»; «Касьян на что ни взглянет — вянет»; «Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет»; «Касьян на скот взглянет — скот валится, Касьян на дерево — дерево сохнет».¹³ День, на который приходится Касьян, считается несчастным. «В какой день пришелся Касьянов день,

⁹ М. И. Смирнов. Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 60.

¹⁰ См.: И. Сахаров. Сказания русского народа, стр. 32; А. Ермолов. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, стр. 95.

¹¹ Жития всех святых, празднуемых православною греко-российскою церковью (поименованных в месяцеслове св. синода и других месяцесловах)... настольная книга для христианина, особенно для пастыря и законоучителя, и подарков в день ангела. Составил протоиерей и законоучитель И. Бухарев. 6-е изд. Изд. А. Д. Ступина, М., стр. 113—114.

¹² В. И. Даль. Толковый словарь, стр. 973—974, «Пословицы» («Месяцеслов»).

¹³ Там же; А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 97, и другие работы

в тот день все три года никаких работ не начинают — считают несчастным днем».¹⁴

По поверью, в ведении Касьяна находятся ветры и он спускает их на землю и насылает мор на людей и скот.¹⁵ Потому — по варианту из б. Вятской губернии — икону Касьяна ставят в церкви «не на видном месте» — над входной дверью.

Посвященная народным представлениям о Касьяне специальная работа Н. М. Мендельсона отчетливо показывает его демонологическую сущность и, следовательно, позволяет связать облик этого святого с образами той «нечисти», против которой направлялись обряды января—февраля.¹⁶ Систематизированные Н. М. Мендельсоном поверья, устные легенды и книжные повести, возникшие на фольклорной основе, дают две темы: связь с адом и дьяволами и объяснение причин, по которым Касьян празднуется один раз в 4 года. Вторая из названных тем непосредственно включается в календарь. Русская легенда, повествующая об отказе Касьяна помочь мужику вытащить из грязи воз (мужику помогает Никола, за что получает награду: его стали праздновать каждый год два раза),¹⁷ прямо дает истолкование образа святого, исходя из полезности его в бытовом обиходе.¹⁸ Но за этим аграрно-бытовым истолкованием, несомненно, скрывается представление о сверхъестественном существе, отказывающем людям в помощи и более того приносящем вред. Поверья и легенды объясняют истоки вредоносной силы Касьяна его связью с дьяволом.

По легенде, записанной в б. Вологодской губернии и изложенной С. В. Максимовым, Касьян некогда был ангелом, но предал бога, рассказав дьяволу о том, что бог хочет «нечистую силу» свергнуть в преисподнюю. Предательство так мучило Касьяна, что бог помиловал его: бог приказал Касьяна заковать в цепи, приставил к Касьяну ангела, который в течение трех лет должен бить Касьяна по лбу тяжелым молотом, а на четвертый отпускать на волю.¹⁹

Известны поверья, прямо указывающие, что Касьян живет в аду. По одному из них, он сторож ада, стережет бесов; один раз в четыре года — 29 февраля — бог дает отпуск Касьяну; на время ухода Касьяна на землю стражами ада становятся 12 апостолов. Видимо, четырехлетнее, без перерыва, пребывание Касьяна в аду и сообщает его взгляду ту

¹⁴ Н. Л. Скалозубов. Народный календарь. — Ежегодник Тобольского губернского музея, 1901, в. XII, стр. 119 (см. 29 февраля).

¹⁵ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 350—351.

¹⁶ Н. М. Мендельсон. К поверьям о св. Касьяне. — Этнографическое обозрение, 1897, № 1, стр. 1—21.

¹⁷ См. в I томе «Летописей» Н. С. Тихонравова, в «Народных русских легендах» А. Н. Афанасьева и других изданиях материалов. Интересен вариант этой общеизвестной легенды, записанный 25 VIII 1946 в деревне Назарьевой Загорского района Московской области от Татьяны Степановны Мальгиной, 48 лет (запись В. И. Чичерова): «Касьяна ведь раз в 4 года праздновали. Говорили, что это раз Касьян с Миколой шли по полю, а вдова пахала беременная. Микола говорит: «Поможем», а Касьян — «Нет, не надо, некогда»; они куда-то торопились, шли. Никола все-таки помог вдове, а Касьян не стал помогать, вперед ушел. Вот так и рассудили, за такое отношение Касьяна его раз в четыре года праздновать».

¹⁸ Об этом отличается белорусская легенда о Касьяне, опубликованная в «Белорусском сборнике» К. Романова (в. IV, Витебск, 1891, стр. 15—17), по которой Касьян наказывается празднованием один раз в четыре года за то, что во время обедни подпал Ивану Крестителю усы. Легенда из б. Новгородской губернии также иначе объясняет причины празднования Касьяна раз в четыре года. По этой легенде, Касьян три года подряд в день своих именин пьянствовал и только на четвертый год был трезв. Поэтому ему и положено праздновать один раз в четыре года — в день, когда Касьян был трезв (см.: С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила).

¹⁹ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 348.

губительную силу, о которой говорят пословицы.²⁰ Касьян связывается с адом и в другой легенде, рассказывающей, что Касьян каждые четыре года терпит жестокие муки: черти бьют его молотом и только 29 февраля дают ему смотреть на свет божий.²¹ Параллельные этим легендам украинские и белорусские предания еще более отчетливо связывают Касьяна с «нечистой силой» или уподобляют Вию (лубенское предание, сообщенное Н. М. Мендельсоном Г. Н. Потаниным), или, наоборот, изображают его бьющим того дьявола, «который рыщет по свету и напускает на людей, болезни и разные невзгоды. 29 февраля Касьян именинник, ничего не работает, поэтому сатана и успевает напустить на людей невзгоды; отпраздновав именины, Касьян снова принимается колотить дьявола по голове».²² К этим сведениям могут быть присоединены указанные Н. М. Мендельсоном данные письменной литературы, по которым Касьян оказывается ребенком, украденным демонами, обращенным в христианство Василием Великим, и ряд других, подобных им.

Облик Касьяна в свете всех этих данных выступает очень отчетливо. В основе его лежат все те же народные представления о нечистой и тайной силе, наносящей вред. Это подчеркивается указанным еще В. И. Далем закреплением за Касьяном трех дополнительных дней — трех четвергов: на масляной, святой и семицкой неделях. Эти дни, при всем их различии, имеют одну общую деталь. Четверг на масляной известен под названием «четверга» и «широкой масляной». В этот день в большинстве мест начинали печь блины. «В старину, — сообщал И. Сахаров, — первый блин отдавался нищей-братии на помин усопших. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старахи, кладя блин на это окно, приговаривают: „Честные наши родители! вот для вашей души блинок“».²³ О том же свидетельствовал И. Снегирев, сообщая: «По обычаю народному блинами поминуют усопших; в Тамбовской и других губерниях первый блин, испеченный на сырной неделе, кладут на слуховое окошко для душ родительских».²⁴ На поминанье покойников на сырной неделе указывают также другие работы, рассказывающие о русской маслянице.²⁵

Пасхальная неделя (так же как и страстная) церковным ритуалом выключалась из поминования усопших (вплоть до понедельника на Фоминой). Но народный календарь идет в разрез с церковными службами. По народному поверью, четверг на пасху — навский и навий велик день (укр.) — пасха мертвецов. «Бог три раза выпускает мертвецов с того света на землю: в первый раз в пасхальный четверг, во второй раз, когда цветет жито, и в третий — на Спас».²⁶ Поверья о праздновании мертвецами

²⁰ См. у И. П. Калининского в «Церковно-народном месяцеслове на Руси» (Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, т. VII, 1877, стр. 368).

²¹ См. статью Н. Л. Скалозубова в в. V «Сборника материалов для ознакомления с Пермской губернией» (Приложение к адрес-календарю и памятной книжке Пермской губернии на 1894 г. Пермь, 1893).

²² Н. М. Мендельсон. К поверьям о св. Касьяне, стр. 1—2 (цитата со стр. 2).

²³ И. Сахаров. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885, стр. 106. В крестьянской среде, как правило, блины начинали печь с «широкой масляной», т. е. с четверга; в городах печенье блинов почти всегда начиналось с понедельника, но четверг также отмечался особо, как важнейший (наряду с субботой) масляничный день.

²⁴ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, в II М., 1838, стр. 120.

²⁵ См., например: А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 61: «Масляница и блины — у нас понятия не разлучные: Без блинов — не масляна; но, принимаясь за блины перед широким масляничным разгулом, начинают с того, что вспоминают про своих дорогих покойников: На масляной первый блин за упокой».

²⁶ А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 198.

пасхи общеизвестны; здесь имеет значение указание на четверг пасхальной недели.

Четверг на семицкой (русальной) неделе, называемый семиком, связывается с масляницей²⁷ и характеризуется поминовением покойников, обрядами, проводимыми на кладбищах, видимо исконными для этого дня в русском народном календаре.²⁸

Факт прикрепления трех разных дней к какому-либо одному образу может быть объяснен только наличием в них общих черт, видимо, отвечавших народным представлениям о смысле и значении того лица, которому дни посвящаются.

Указанные три четверга общей чертой имеют только связь с поминовением покойников и верой в их силу. Нельзя ли предположить, что тема покойников — мертвенности (и шире — смерти) связала эти дни с образом Касьяна, праздновавшегося в лишнем февральском дне в году? Легенды и поговорки о Касьяне дают основания для такого предположения

Касьян — источник гибели всего живущего; его место — ад — обитель «нечистой силы» и мертвых; «на что Касьян взглянет — все вянет». Если высказанное предположение верно, то Касьян народных верований должен быть понят как одно из выявлений представления о губительном начале — о море, смерти, чуме и тому подобных явлениях, всегда изображаемых зооморфными или антропоморфными образами, с подчеркиванием каких-либо внешних, вызывающих ужас деталей (ср. черный лик Касьяна, неподнимающиеся веки его глаз и т. д.).

Страшный — и внешне, и по значению — образ Касьяна завершает собой зимний период. Касьянову дню предшествовали другие, отмечавшиеся как дни борьбы с «нечистью». Это одна линия в датах января — февраля, линия обрядов, посредством которых крестьяне стремились предохранить свое хозяйство от несчастий, скот от падежа, себя от болезни и смерти. Касьян немилостивый (29 февраля), с его мертвящим взглядом, завершал зиму; ему на смену шла Авдотья — подмочи порог (1 марта), вслед за которой птицы «несли весну».

²⁷ Ср., например, лубочные картинки, а также: «Масляница — семикова племянница», «Масляной честь и хвала, что Семик в гости звала» и т. д.

²⁸ См запреты семицких обрядов в документах XVI—XVII вв